

Вадим Воронцов

По ту сторону мира

18+

Вадим Воронцов
По ту сторону мира

«Автор»

2026

Воронцов В.

По ту сторону мира / В. Воронцов — «Автор», 2026

Главный герой, в прошлом - участник вооруженных конфликтов, в описываемое время врач-патологоанатом, сталкивается с темными силами из иной реальности. В борьбе с демонами, сатанистами и прочими нехорошими созданиями ему удается одержать локальную победу. Ирреальность отдельных персонажей, событий и явлений на фоне обыденной повседневной жизни героев.

© Воронцов В., 2026

© Автор, 2026

Вадим Воронцов По ту сторону мира

В середине осени года 1993 от Рождества Христова в одной маленькой, но очень гордой стране имел место затяжной нон-стоп праздник. Наплевав на цирроз и белку, казаки пили который день подряд. Война завершилась, и уже несколько недель фразой «грех не выпить за победу» начинался почти любой мужской разговор в республике. В этом смысле сидящие за длинным дощатым столом люди греха на душу не брали. Максимальный градус на данный момент достигнут не был, поэтому печальная песня о том, как любо братьям жить, еще не взлетела пьяной птицей в темно-синее предвечернее небо.

На столе скромно наличествовали несколько банок растаявшей на жару свиной тушенки и десяток солдатских черных сухарей. И, естественно, трехлитровая банка прозрачной, как слеза, виноградной чачи. Широко распространенная точка зрения о том, что закуска градус крадет, для конкретной ситуации была верна не вполне. Как показывает практика, при крепости самогона свыше шестидесяти градусов, эта житейская мудрость не работает.

Железные кружки в очередной раз звякнули, столкнувшись, их содержимое отправилось по прямому назначению, алюминиевые ложки синхронно нырнули в консервные банки. Вопрос «за что пьем?» – не вставал. Все как всегда, без отклонений от стандарта. Первый – за Победу, второй – за нас (за вас и др.), третий – молча и не чокаясь. Потом – чистая география: за Дон, Кубань, Терек, и дальше на Восток. Список известных присутствующим казацких рек закончился в Якутии, возникла короткая пауза.

У стен на бекешах и бушлатах, будто скошенные длинной очередью, раскинулись временно выбывшие из строя в бою с зеленым змием. За столом оставались трое: водитель троллейбуса, недоучившийся студент-медик и бывший прапорщик Советской армии. Они же – господин хорунжий, господин старший урядник и господин сотник. Обыкновенные казаки «постсоветского пространства». Одетые в разномастный потрепанный камуфляж, бородатые или небритые, даже за столом не расстающиеся с оружием, они больше всего были похожи на матерых боевиков некоего НВФ. Впрочем, с точки зрения законодательства любой страны, они таковыми и являлись.

На сельский клуб в ближнем пригороде столицы наткнулись случайно. Использовать для проведения праздничных мероприятий пустующие дома не стали, опасаясь минно-взрывных сюрпризов от бывших хозяев, поэтому небольшое здание клуба на скорую руку осмотрели разведчики, старательно обнюхали саперы, после чего на потрепанном ГАЗ–66 прибыли и высадились основные силы...

Бывший будущий врач, а ныне – старший урядник Бунчук (для своих – Сашко Студент), худой долговязый парень, небритый и слегка опухший, вышел на крыльцо и со стуком плюхнулся тощей задницей на ступеньку. Пригород, в котором до войны жила, в основном, местная элита, был тих и безлюден. Обитатели роскошных, по советским меркам, двухэтажных особняков в спешном порядке отбыли на историческую родину. Год назад они первыми начали убивать, и на милость победителей рассчитывать им было бы, по меньшей мере, опрометчиво.

Вопросы межнациональных отношений не слишком занимали урядника. Из богатого прошлого опыта он знал, что в празднике наступило лишь временное затишье, главные испытания ждут его молодой организм впереди. И к испытаниям надо быть готовым.

Справа от клуба проселочная дорога шла в гору и невдалеке заканчивалась, упираясь в густые заросли деревьев. Под деревьями явно был какой-то объект. Мысль сходить и посмотреть появилась еще в тот день, когда они заняли здание клуба, но все, как-то, было недосуг. «А

вот сейчас схожу, гляну» – подумал Бунчук, закуривая сигарету и устраиваясь на ступеньках поудобней.

Александр Бунчук, в позапрошлом году отчисленный с третьего курса мединститута, в казачий добровольческий отряд попал, в общем, случайно. После отчисления с формулировкой «за драку» вариантов было негусто. Возвращаться в станицу к ехидным землякам не хотелось, искать жилье и работу в краевом центре чересчур хлопотно. Поэтому, когда случайный знакомый предложил «прокатиться на войнушку», Бунчук раздумывал не долго. «Деды-прадеды всю жизнь воевали, а я чем хуже? Да и дело наше, говорят, правое». Так он оказался на Днестре. Дубоссары, Кошнице, Бендеры. Здесь вчерашний студент впервые своими глазами увидел, что такое война. Был там и героизм, было самопожертвование, но была также жуткая, доходящая до безумия жестокость. Приднестровцы, конечно, избыточным гуманизмом не страдали, но то, что вытворяли «румыны», волонтеры и ОПОН из Кишинева, добровольцы из Бухареста... Циркулярка на пилораме как орудие казни пленных – такое и в страшном сне не увидишь.

Несколько месяцев пролетели как один день. Не успела отгреметь война в Приднестровье, заварилась кровавая каша в Абхазии. Значит нам туда дорога. Пересечение границы в составе группы сослуживцев прошло без особых проблем, и уже через пару дней, после короткого разговора с толстым усатым абхазом, (имею боевой опыт, из полезных навыков – два с половиной курса мединститута) он получил изрядно поношенный камуфляжный комбез, бушлат второго срока, три гранаты и АК-74М с четырьмя магазинами...

Сидя на крылечке, Бунчук лениво курил, любовался закатом и пребывал в состоянии душевного и телесного покоя. Вставать и, тем более, куда-то идти не хотелось, но любопытство, плюс осознанная необходимость прогуляться-продышаться, оказались сильней. Пошатнувшись, урядник поднялся и вошел в дом. Его боевые друзья уже разлили по новой. Сотник, коренастый сорокалетний мужик с извилистым шрамом на загорелом бритом черепе, медленно повернул в его сторону голову и сфокусировал на вошедшем мутноватый взор.

– Я прогуляюсь чуток, – сказал урядник.

– Далеко?

– По дорожке вправо до роши и назад.

– Гуляй, Сашко, автомат возьми. Глянь. Вернешься – расскажешь.

Чтобы не оттягивать плечо автоматом, Бунчук взял со стола ТТ, машинально проверил обойму, дослал патрон, поставил на предохранительный взвод и сунул пистолет в карман.

– Тут недалеко, ежели чего не так, шмальну, услышите, подтянетесь по-быстрому. Я пошел?

– А стремянную?

– Давай.

Товарищам не откажешь.

До роши Бунчук добирался неожиданно долго. Поначалу выпитый на дорожку самогон не желал опускаться в желудок, и ему (самогону) хотелось наружу. В борьбе с этим явлением время летело незаметно. Когда борения завершились, оказалось, что пройдено лишь полпути. Возвращаться к застолью, не удовлетворив любопытство, было бы нелогично. Скользя кожаными подошвами хромовых сапог по камням проселка, урядник шел.

Таинственный объект оказался небольшим сельским кладбищем. Невысокая (чтоб коровы не забредали) кладбищенская ограда, распахнутые ворота, черные мраморные прямоугольники небольших надгробий в тени разросшихся деревьев и, понятное дело, ни одного живого человека. Кладбище как кладбище. Однако привычных крестов над могилами не было

видно. Приглядевшись к надгробию, урядник обнаружил, что над вполне обычной грузинской фамилией каждого усопшего гордо красуется шестиконечная иудейская звезда. Забавно...

Однако, раз добрался до места, место надо осмотреть. Пройдя между могилами, казак обнаружил, что за задней частью ограды погост не кончается. Между оградой и торчащей из склона скалой тоже были захоронения. Эта часть кладбища явно была заброшена давным-давно, высокая трава почти полностью скрывала оплывшие холмики и покосившиеся, местами упавшие и растрескавшиеся серые каменные плиты. Идти туда, наверное, было незачем, но у подножия бледно-желтой скалы чернела выброшенной взрывом землей свежая воронка от шальной авиабомбы. На краю воронки лежал какой-то предмет, поблескивавший в закатных лучах.

Погода начала портиться. Со стороны моря потянуло прохладой, над горами повисли плотные волны серого тумана. Стало почти темно. Бунчук перебрался через оградку, подошел поближе и поднял находку. Предмет оказался чем-то вроде массивного тяжелого перстня-печатки, отблескивающего тускло-желтым.

Разглядеть детальней мешали сумерки. «Похоже, рыжевое. В смысле – золото. Неужто бомба клад разрыла? Надо бы ребят кликнуть... а если там пусто? Засмеют до полусмерти». Бунчук примерил перстень на средний палец правой руки. Подошло идеально. Наклонившись над воронкой, он вдруг почувствовал, что осыпающаяся земля ускользает из-под ног. Короткое, неприличное слово промелькнуло в голове во время полета на дно ямы, затем он воткнулся во что-то лбом и потерял сознание.

Придя в себя, он не сразу сообразил, что произошло. Прежде всего, Бунчук обнаружил, что лежит в полной темноте на чем-то твердом, угловатом и для лежания абсолютно не приспособленном. Спертый воздух, запах земли и сырости. В тишине внезапно раздался мерзкий пронзительный вопль. От неожиданности Бунчук подпрыгнул. «Птица орет, – сообразил он. – Я этих ночных птиц маму...» Привычное употребление широко распространенного в данной местности речевого оборота помогло вернуться в реальность. Но реальность была, мягко говоря, необычной. Под ним – куча земли и камней, вокруг темно, только вверху смутно виднеется серое пятно неба. Когда солдатская смекалка окончательно вернулась в крепко ушибленную голову, пришло время удивиться по-настоящему. Тяжелые бомбы и снаряды в этой войне, конечно, применялись, но почему до краев воронки, едва различимых на фоне серого неба, так далеко? Похоже, взрыв авиабомбы вскрыл какое-то подземелье. «Вот это я конкретно попал. Фонаря нет. И че теперь делать будем?» Нашупав в кармане коробок спичек, урядник облегченно вздохнул. Надо осмотреться, перекурить, а выбраться – не проблема. Даже если самому вылезти не получится, пистолет, слава Богу, есть, на выстрелы подтянутся товарищи, помогут.

Чиркнув спичкой, Бунчук осмотрелся. На пещеру Али-бабы не похоже. Маленькая квадратная комната с низким сводчатым потолком. Стены выложены камнем, в каменном же своде – широкий пролом, в проломе сереет небо. И никаких сундуков с золотом. В дрожащем свете спички урядник разглядел у стены под проломом здоровенный черный ящик, больше всего похожий, – по спине побежали мурашки, – конечно, на гроб. «На дне черной-черной воронки, в черном-черном подземном склепе, у черной-черной стены стоял черный-черный гроб. А что ты ожидал здесь найти? Холодильник с пивом?»

Если встать ногами на крышку гроба, можно, подпрыгнув, попытаться дотянуться до края пролома. Однако эта, разумная на первый взгляд, мысль была отвергнута сразу. Прыгать на гробе категорически не хотелось. К тому же, внимательно присмотревшись, он увидел, что каменная крышка, во-первых, расколота и, во-вторых – слегка сдвинулась в сторону.

Бунчук споткнулся о камень, спичка погасла, и сразу навалилась тьма. Нет, не бархатная темнота южной ночи. Тьма подземного склепа. «Мрак и скрежет зубовой», – всплыла из глубин памяти невнятная фраза. Никакого скрежета, в том числе и зубового, слышно не было,

наоборот, было так тихо, что Бунчук отчетливо улавливал стук собственного сердца. Молчали ночные птицы, утих шорох ветра в кронах кладбищенских деревьев. «Гробовая, блин, тишина – в прямом, блин, смысле слова. И петушиного крика не дождешься. За войну всех петухов сожрали», – урядник все еще пытался воспринимать происходящее спокойно, но это уже не очень получалось. По спине медленно поползла струйка холодного пота. «Ну – хватит...» Нашарив в кармане рифленую рукоятку, Бунчук повеселел. При попытке вытащить пистолет курок, естественно, зацепился за ткань кармана. Высвобождая оружие, урядник завозился и вдруг почувствовал, что задыхается, будто из склепа откачали кислород. В тишине что-то очень тихо, на пределе восприятия, шелестело. Тьма окончательно сгустилась, и на Бунчука будто навалилась какая-то неподъемная, непосильная тяжесть. Горящая спичка едва освещала пальцы, потом она погасла, но у стены, где стоял гроб, возникло и становилось все ярче зеленоватое гнилушечье свечение. То, что выбиралось из трещины в каменной плите, напоминало кольчатого белесого могильного червя – переростка. Жирная, покрытая мерцающей слизью тварь коснулась пола, поползла, приподнимая безглазую голову с треугольным отверстием зева.

Нереальность происходящего на время парализовала волю, но очевидная угроза, исходящая от неведомого существа, заставила сработать условные рефлексы. Бунчук изо всех сил рванул тяжелый пистолет из кармана. Руки тряслись, большой палец наконец нащупал курок, с третьей попытки взвел.

Режущие глаз вспышки, оглушительный грохот выстрелов в замкнутом пространстве, звон стреляных гильз и мерзкое мяуканье рикошетов на короткое время разогнали тьму и тишину подземелья.

О том, что происходило в последующие минуты, у Бунчука сохранилось лишь несколько смутных, отрывочных воспоминаний. Позже он никак не мог восстановить последовательность событий. Кончились патроны, кажется он орал что-то невразумительное, забившись в угол, прижался спиной к стене, сполз на пол, зажмурил глаза, закрыл голову руками. Может быть, он терял сознание, кажется, молил Бога о помощи, возможно, происходило что-то еще, что-то, выпавшее из памяти, но навсегда он запомнил переполнявшее его в тот момент чувство ужаса и омерзения...

Война, как правило, избавляет людей от чрезмерной впечатлительности. Ночные атаки, когда единственно верным ориентиром в темноте служат вспышки выстрелов обороняющегося противника, и инстинкт самосохранения настойчиво требует упасть на землю и ползти назад, но надо бежать вперед, на эти вспышки, и, если повезет, добежать, сходу влетая в кровавую карусель рукопашной. Пули снайперов, уносившие жизни тех, с кем минуту назад раскурили овальную сигаретку на двоих, помечтали о девушках, своих и чужих и поделились планами на годы вперед. Разведывательные рейды по диким горам, где из-за каждого камня ждешь автоматной очереди в упор. Однажды в таком рейде их группу блокировали на краю небольшого ущелья, прижали к разрушенному мостику, и скорая смерть казалась не просто неминуемой, а даже желанной (участь пленных на этих войнах была весьма нехороша даже по меркам жестокого двадцатого века).

Но и тогда, в том ущелье, вслушиваясь в тихий недолгий шелест подлетающих восьмидесяти вторых мин («эта точно моя», миг тишины, удар, удушливая тротиловая гарь, и снова шелест) Сашка не испытывал и десятой доли того парализующего ужаса, который вызвал у него обитатель старой могилы.

Сколько Бунчук просидел, скорчившись, в углу, он не знал. Открыть глаза было невыносимо страшно. Но время шло, ничего не происходило, и он решился. Оторвав ладони от лица, Бунчук осторожно осмотрелся, глубоко вдохнул и выдохнул. «Вот это перепуг! Хорошо, что брюхо пустое, не хватало еще опозориться...». Потихоньку приходя в норму, повертел головой. Было по-прежнему темно, темно настолько, что даже поднесенной к самому носу собствен-

ной руки с растопыренными пальцами он не увидел. Однако в душной атмосфере склепа явно произошли некие изменения. Чувство ужаса исчезло. Слепо пошарив вокруг, Бунчук сначала нащупал вставший на затворную задержку ТТ, потом ладонь наткнулась на спичечный коробок. Машинально сунув пистолет за пояс, он схватил коробок. Спички ломались и гасли, не успев разгореться. В конце концов, маленький дрожащий огонек все же осветил каменную каморку. Увидев на стене над головой щербину от пули, Бунчук мысленно перекрестился.

– И от рикошета Бог сберег...

Вдалеке послышался знакомый рев мотора. Через пару минут в небе над проломом заметались отблески фонарей.

– Студент! Сашко! Ты где?!

– Отзовись, братишка!

– Просыпайся, подъем, блин!

– Уходил почти трезвый, не должен был отрубиться.

– Я реально выстрелы слышал, Сашка и стрелял!

– Да тут он, где ему еще быть, зараз найдем!

Пережеваемые матом пьяные вопли показались ангельским пением. Когда Бунчук ликующе заорал в ответ, встревоженные крики сменились удивленными.

– Это откуда он орет? Из могилы, что ли?

– Вон воронка, из нее, кажись.

– Ни хрена себе ты спрятался!

– Руки-ноги целы? Чего сам не выбрался?

Сверху через пролом его осветили фонарем.

– После побазарим. Вытаскивайте.

Кто-то сверху спустил в дыру в потолке солдатский ремень с медной бляхой. С пола до бляхи было не дотянуться, и Бунчук наступил на каменную крышку гробницы. Та сдвинулась, и нога едва не соскользнула в гроб. Заорав, он подпрыгнул изо всех сил и вцепился в ремень обеими руками.

– Тащи скорей!

– Да тащим уже, тащим, ты чего орешь как потерпевший?

Через пару секунд Бунчук был уже наверху. Его хлопали по плечам, хохотали, что-то опять орали пьяными довольными голосами.

– Патроны, гляжу, все расстрелял. Это с кем ты там воевал, братишка? – заметил разряженный пистолет за поясом Бунчука глазастый сотник. – И что за пещерка–то, что там, внизу?

– Дерьмо, а не пещерка. Выпить есть?

– Обижаешь. Как не быть.

Схватив обтянутую брезентом флягу, Бунчук надолго припал к горлышку. Толпа, шумно обсуждая случившееся, потянулась к грузовику. Сделав пару шагов, Бунчук тронул сотника за плечо.

– Гранату дай. И фонарь.

– Держи. А зачем?

– А просто так.

Вернувшись к воронке, Бунчук посветил фонарем, вытащил чеку, примерился и аккуратно закинул тяжелую ребристую лимонку в распахнутый черный зев могилы.

– Подавись, сука!

Под землей глухо ухнул взрыв. Свод склепа рухнул, со стен воронки вниз хлынула земля, окончательно засыпая страшное место. Сотник удивленно хмыкнул.

Остаток ночи прошел без неожиданностей. Рассказывать о том, что с ним случилось, Бунчуку не хотелось, да его никто и не спрашивал. Все и так ясно. Спяну пошел бродить, провалился в яму, сам выбраться не смог, искали, нашли, вытащили. О чем еще говорить? Только сотник пару раз глянул на урядника с интересом, хотел, кажется, спросить о чем-то, да так и не спросил.

Булькал наливаемый в кружки самогон, повисли под потолком плотные слои табачного дыма, и вот уже на дальнем конце стола кто-то затынул сиплым басом:

Любо, братцы, любо, эх любо братцы жить
С нашим атаманом не приходится тужить...

I

«Я, Бунчук А.И., старший эксперт отдела медико-криминалистических экспертиз ЭКЦ при Октябрьском РУВД, начинаю осмотр тела, поступившего с места преступления на улице Ленина 12 апреля 201...г.»... Александр Иванович тяжело вздохнул и почесал нос диктофоном. Скукота. Каждый день одно и то же. Несвежие трупы, прокисшее содержимое желудков и кишечника, пропахший химикатами и тухлятиной холодный подвал... Рутинка.

Сослуживцы из казачьей сотни едва ли узнали бы в солидном Александре Ивановиче худошавого, быстрого в движениях Сашку Бунчука. Массивная фигура, интеллигентное лицо, украшенное небольшой бородкой, ему бы еще очки в золотой оправе – и хоть сейчас на телепередачу «Советы доктора Бунчука – помощь от всех недугов». Впрочем, реальные клиенты доктора ни в советах, ни в помощи не нуждались.

«Погибший – молодой (25 – 30 лет) человек, славянской внешности, рост около 170 см, вес около 80 кг. Телосложение спортивное. Волосы русые, коротко стриженные. Нос короткий, имеет следы прижизненных переломов. Над правой бровью шрам длиной 2 см. Цвет глаз...»

Старший эксперт Бунчук А.И. поставил диктофон на паузу и склонился над столом. Глаза трупа были плотно зажмурены. Осторожно оттянув пинцетом веко, эксперт слегка отшатнулся и коротко помянул непорядочную женщину. Цвет глаз убитого не определить. В низкий потолок прозекторской вызывающе уставились выпуклые, отливающие антрацитовым блеском зрачки, расширенные настолько, что радужной оболочки не видно совершенно. Как у пришельцев из голливудских фантастических блокбастеров.

Ничего подобного Бунчук не встречал за всю свою многолетнюю практику. На инопланетянина погибший похож не был (хотя кто их видел?). Этот парень, скорее всего, был из братвы. Уж кто-кто, а убитые в разборках бандиты, в отличие от пришельцев, на этот стол попадали регулярно. Из результатов предварительного осмотра трупа было очевидно, что перед смертью клиент Бунчука с кем-то бился яростно и жестко. Пальцы правой руки погибшего сжимали массивный медный кастет, костяшки на левом кулаке ободраны, зубы оскалены, лицо перекошено. Он явно был убит в драке, ничего необычного. И убит, судя по сопроводительным документам, днем. Весенним солнечным днем. На улице Ленина...

От яркого света зрачки слегка суживаются. В темноте – слегка расширяются. Но не до такой же степени. Это уже не темнота, тьма кромешная. Нестыковка...

Зато причина смерти ничего загадочного из себя не представляла. Кинжал или длинный нож с узким лезвием пробил сердце и вышел из спины. Очень точный удар. Настолько сильный, что оружие вошло в тело на всю длину клинка, и вокруг входного отверстия на коже ясно виден небольшой кровоподтек – отпечаток гарды. Создается впечатление, что убийца – мастер фехтования. Мушкетер, блин.

Вскрытие также не принесло неожиданностей. При жизни молодой человек был абсолютно здоров, (мне бы такое здоровье) печень и легкие в полном порядке (не пил, не курил – красавчик!). Если бы не встреча с неизвестным фехтовальщиком – прожил бы до ста лет.

Взяв образцы крови и тканей для анализа, Бунчук присовокупил к стандартному набору материалов фото глаз крупным планом. Отметив в акте экспертизы, что «зрачки убитого неестественно расширены, возможно, в результате воздействия наркотических препаратов», Бунчук подписал документы, закрыл картонный скоросшиватель и засобирался домой. «Завтра поспрашиваю оперов, что за жмурик, кто таков, откуда и куда».

Двадцать лет назад, вернувшись с Кавказа, старший урядник Бунчук без колебаний решил для себя, что человек он, если разобраться, абсолютно мирный, и профессия врача ему отлично подойдет. Друзья-однополчане, казаки его сотни, в большинстве своем останутся не смогли, и инерция войны понесла их – кого-то наемником в Африку, кого-то в Иностран- ный легион, кого-то в криминал. А Бунчук восстановился в мединституте, без приключений доучился, получил диплом и место хирурга в травматологическом отделении местной боль- ницы.

Еще в институте Бунчук, подобно многим, женился на однокурснице Кате. Хорошенькая девушка с большими серыми глазами и стройными ножками предпочитала мини-юбки, нрав имела веселый и покладистый и поначалу казалась идеальной спутницей жизни. Но времена были непростые, и, окончив учебу, ячейка общества столкнулась с реальной угрозой протя- нуть ноги с голоду. Зарплата в госмедучреждениях, где работали Саша и Катя, была явлением редким и малозначительным. Выручали родственники в станицах, но проблемы выживания это не решало.

В это время стали появляться частные клиники, однако молодые специалисты без опыта работы частников не интересовали. Наконец, в одном из таких учреждений толстомордый глав- врач, он же хозяин мельком глянул в дипломы и сообщил, что стоматологи ему нужны, что же касается хирургов, штат укомплектован полностью. Радости Кати не было предела, а вот у Бунчука масляные глазки ее нового босса восторга не вызвали. Но деваться было некуда, и у молодой семьи началась новая жизнь.

Не очень напрягаясь, Катя зарабатывала в четыре раза больше мужа и испытывала по этому поводу законную гордость. Оно бы и ничего, но ее домашние монологи на тему, какой же она, все-таки, молодец, со временем стали заканчиваться неизменным выводом о том, что ее муж, хирург городской больницы Александр Иванович Бунчук, уж точно не молодец, а, если вдуматься, – балбес и нищий неудачник.

Идти в откровенный криминал и штопать братву Бунчуку не хотелось, перспектива мотаться челноком в Турцию не манила, и когда однажды он случайно увидел свою закон- ную супругу выходящей из небольшой частной гостиницы в обнимку с тем самым главврачом, испытал даже некоторое облегчение.

Они развелись, детей Бог не дал, но к холостяцкому одиночеству Бунчук привык и им отнюдь не тяготился. В конце концов, сменив несколько мест работы, он прочно осел в отделе судмедэкспертизы родного города и счел дальнейшие поиски места под солнцем ненужными и малоперспективными.

Выходя за порог экспертно-криминалистического центра, Александр Иванович, как пра- вило, старался выбросить из головы все, что касается работы. Продолжать обдумывать слу- жебные проблемы после 18.00 – все равно, что брать работу на дом. Он же не тащит домой мертвецов из морга.

Однако сегодня железное правило не сработало. В машине, в гараже, дома за ужином перед внутренним взором доктора неотступно маячил блестящий в щелках век черный глаз. Неудивительно, что странный клиент снился Бунчуку всю ночь. При этом во сне в поведении покойника не ощущалось ни малейшей угрозы. Он лишь, не отрываясь, безмолвно тарасился на доктора и, кажется, чего-то от Бунчука хотел.

Явившись на службу на следующее утро, Бунчук сам отнес картонную папку с результатами вскрытия в убойный отдел. Опера, как всегда по утрам, пили чай и умиротворенно беседовали о том, как прошел вечер прошедшего дня, сколько и чего было употреблено и к каким последствиям это привело. И только занимавшийся убийством на Ленина капитан Кабанов хмурил жидкие рыжие брови и тихо бормотал себе под нос нехорошие слова. Согласно оперативной информации, полученной Бунчуком из достойных доверия источников, с утра капитан успел побывать у начальника отдела. После эмоционального перечисления совершенных в последнее время тяжких и особо тяжких преступлений, начальник сделал неожиданный вывод – в происходящем виноват его нерадивый подчиненный, капитан полиции (пока еще капитан полиции!) Семен Кабанов.

Обсуждать вчерашний труп с человеком, находящимся в таком состоянии, – провоцировать взрыв. Однако рвануло без всяких провокаций. Когда Бунчук, демонстративно утирая пот со лба, присел к капитану, положил скоросшиватель на стол и сказал: «Здорово, Сема. Вроде середина мая, а печет как в июле. Похоже, глобальное потепление и до нас добралось», – в ответ он услышал:

– Глобальное охрещение до нас добралось! Иваныч, тебе жить не страшно?! Сограждане на ровном месте грызутся как бешеные собаки, валят друг друга с особой жестокостью, тяжкие телесные – каждый день регистрируем, а какого, интересно..., всех этих бешеных собак вешают на меня? Профилактика – работа участковых, мое дело – раскрывать. Я раскрываю. Легко, они же не прячутся! Белым днем на центральной улице за поцарапанный бампер два добропорядочных гражданина насмерть забили бедолагу таксиста. Свидетелей – сорок человек. В супермаркете не поделили место в очереди в кассу. Без базара бутылкой по голове, один в реанимацию, другой в СИЗО. И не отпираются, собаки, виноватыми себе не чувствуют. Ни за что, ни про что грохнуть соотечественника – как два пальца. Как в той песенке: судьба – злодейка, а жизнь – копейка. Уволюсь, блин...

Когда поток эмоций начал постепенно ослабевать, Бунчук все же задал свой вопрос:

– Трупом на Ленина ты занимаешься? Что за парень, чей? Наркоман?

– А, этот... Валентин Терехов, погрехуха Вальтер. Из спортсменов. Не судим. В Центральной группировке отвечал за дурь. Сам не употреблял, у них с этим строго. Похоже, прихватил кого-то из левых дилеров на сбыте, наехал, не рассчитал сил, напоролся на перо. Коллеги покойного грешат на цыган, забили ромам стрелу. Пока все. С какой целью интересуешься? Проблемы?

– Чисто из любопытства, все нормально, – рассказывать оперу про «неестественно расширенные зрачки» не хотелось.

– Ничего не нормально. Цыгане не при делах. Они герычем барыжат, их клиентура – гопота с городских окраин. Центровые работают по коксу, экстази, марихуане. Покупатели – богатенькие буратинки, доморошенная богема, золотая молодежь. Нечего им с ромалэ делить. Тем более валить – вообще не метод. Война вредит бизнесу.

– Кто ж тогда?

– Кто-то не из системы. Дилетант-одиночка – Кабанов раскрыл папку с актом экспертизы, пролистал, – «профессионально владеющий холодным оружием». Конечно, будем искать... Параллельно с бандосами... Но, похоже, глухарь.

– Свидетели?

– Нет. Середина дня, людное место, считай – центр города, и ни одного свидетеля. Убили его именно там, кусты поломаны, следы борьбы, кровь. Если помнишь, на этой улице есть скверик небольшой, деревья, кусты, скамейки. Местные алкаши искали, где приземлиться, наткнулись на труп. Крик, шум, позвонили нам. Мы приехали, осмотрелись, по кустам пошарили. Ни улики, ни зацепок, ничего. Говорю же – глухарь. А все-таки, чего это ты так заинтересовался?

– Да пока сам не знаю. Не стыкуется кое-что. Ладно, поживем – увидим. Пойду к себе, мертвяки уж соскучились, наверное.

Вернувшись в свой кабинет, Бунчук вскипятил воду, заварил чай и печально обозрел заваленный важными и срочными документами стол. Надо бы разобрать, а то уже кружку некуда поставить. А на другом столе, в подвале, лежит и терпеливо ждет вскрытия очередная жертва злодейки-судьбы... Бог с ним, с черноглазым жмуром. Он за меня работать уж точно не будет.

За рутинным потрошением день пролетел незаметно. Уже сидя в своей машине, Бунчук вновь вернулся мыслями к сгоревшему на работе Вальтеру. И неожиданно для себя свернул на улицу Ленина.

Ехать было недалеко, и минут через десять доктор уже прогуливался по скверу, в котором два дня назад обнаружили труп. Вокруг не было ни души, любители вечернего отдыха на свежем воздухе сегодня, видимо, предпочли общаться в другом месте. Несколько минут Бунчук бродил по месту преступления, пинал камешки и заглядывал под скамейки. Если бы его спросили, что он ищет, он не смог бы дать сколько-нибудь вразумительного ответа. Зажглись фонари, и в их ярком свете деревья отбрасывали резкие, черные тени.

В сторону домов из скверика вела узкая асфальтированная дорожка. Пройдя по ней, Бунчук уперся в двухэтажный, дореволюционной постройки особняк. Высокое, с черными коваными перилами, крыльцо. На медной табличке над дубовой дверью значилось крупными буквами: «Третий глаз». Ниже, буквами помельче: «Магический салон». Еще ниже, заключенный в пятиконечную звезду, был изображен, собственно, глаз. Видимо, тот самый, третий.

«Победа разума над сарсапариллой. Прологомены науки. Глухие начинают ходить, а слепые – говорить, когда я делаю свои пассы, – вспомнился Бунчуку классик американской литературы. – С поправкой на современность: « Ваш третий глаз начинает видеть, а третье ухо – слышать, когда вы дадите магу денег».

Слегка сожалея о зря потраченном времени, Бунчук, наконец, добрался до своей холостяцкой квартирki. Если ищешь то, не знаю, что, то и результат будет такой, не знаю, какой. Никакой, в общем, результат. Но в голове занозой сидела какая-то смутная мысль, что-то давно забытое, но, возможно, имеющее прямое отношение к происходящему. Высыпав в закипевшую воду магазинные пельмени, Бунчук еще раз прокрутил перед мысленным взором события последнего часа. Безлюдный сквер, деревья, скамейки... не то... Медная табличка над входом в магический лохотрон... Точно! Табличка! Вернее – изображенный на ней символ!

Жестяная, с красной пластмассовой крышкой банка из-под растворимого кофе после недолгих поисков была извлечена из глубин забитого всяким хламом встроенного шкафа. Выцветшие погоны с лычками старшего урядника, короткая красная ленточка – нашивка за ранение, нарукавный шеврон, трехцветная, черно-желто-белая кокарда... а вот и он! Перстень, который Бунчук подобрал на краю разрытой взрывом могилы. Он обнаружил его на собственном пальце на следующее утро после приснопамятного посещения старого кладбища и при первом удобном случае попытался продать. Безуспешно. Желтый металл печатки был похож на золото, но таковым не являлся. «Не все то золото, что блестит» – поделилась народной мудростью девушка из ломбарда, и кладбищенский сувенир на двадцать пять лет отправился в кофейную банку.

С внутренней стороны кольцо перстня было покрыто какими-то невразумительными закорючками, возможно, буквами неведомого языка. А на собственно печатке, в большом, сантиметрового диаметра, круге четко просматривался широко открытый глаз в центре пятиконечной звезды – точная копия символа с вывески магического салона.

Размышляя о том, что может означать это совпадение, Бунчук внимательно разглядывал перстень. В какой-то момент ему показалось, что глаз в пентаграмме с не меньшим вниманием разглядывает самого Бунчука, иронически шурится и как будто намеревается весело

подмигнуть своему визави. Загипнотизированный этим странным ощущением Бунчук замер, но внезапно с кухни донеслось резкое шипение. Вода в кастрюле с пельменями кипела, заливала огонь газовой плиты, и ситуация потребовала немедленного вмешательства.

Волшебство развеялось, печатка вновь стала обычным куском мертвого металла, сколько ее не разглядывай под разными углами, на разном расстоянии. Но вопрос о причинах сходства символов на древнем перстне и вполне современной вывеске магического салона оставался открытым.

В ту ночь Бунчук долго не мог уснуть. За двадцать пять лет ему почти удалось убедить себя в том, что все пережитое в древнем подземном склепе было ничем иным, как следствием чрезмерного употребления самогона. Алкогольной галлюцинацией. А сейчас загнанные в самый дальний уголок сознания жуткие воспоминания выбрались на свет и нагло завладели мыслями.

Пересчитав пару сотен прыгающих через плетень овец, Бунчук был вынужден прибегнуть к проверенному веками народному средству от бессонницы. Средство помогло. Но долгожданное забытие не принесло избавления от навязчивой чертовщины. Это были не просто кошмарные сны. Реалистичность видений скорее напоминала бессюжетный, но от того не менее впечатляющий фильм ужасов в формате 3D.

Подземелье, огромный светящийся могильный червь ползет из трещин расколотой крышки гроба, приближается, накатывает жуть, Бунчук беззвучно кричит и оказывается в сумеречном огромном зале, по которому бесшумно и быстро скользят черные безликие тени. Бунчук тихо сидит в уголочке и изо всех сил надеется, что призрачные обитатели мрачного чертога не обратят на него внимания. Наконец одна из теней пролетает совсем рядом, приостанавливается и надвигается медленно и угрожающе. Острое чувство ужаса, попытка закричать, изображение зала меркнет, начинается следующая серия. Бунчук обнаруживает, что очутился на отвесной скале на краю глубокой пропасти, он ясно видит отблески горящего на дне фиолетового пламени, от странного огня почему-то веет леденящим холодом, темно-багровые вспышки на черном небе, атмосфера тоски и безысходности, он пятится от края и чувствует сильный толчок в спину. Ужас падения, отчаянный крик, и Бунчук просыпается. Он лежит на диване, в своей квартире, и все вроде бы хорошо, но чувство облегчения быстро сменяется страхом. Его комната освещена бледным светом луны, и в этом свете на фоне окна через полупрозрачную тюлевую занавеску отчетливо виден неподвижный, зловеще-темный силуэт с горящими багровым пламенем глазами. Чувства жути, страха и ужаса к этому моменту настолько утомили Бунчука, что он решительно отбросил одеяло, рванулся к окну и попытался схватить незваного гостя. И проснулся уже окончательно.

Вынырнув из кошмара, он включил ночник и долго лежал, унимая расхолодившееся дыхание, колотившееся сердце. За окном посветлело, на часах начало шестого. Суббота, выходной, вставать в такую рань вроде бы и ни к чему, но снова уснуть у Бунчука получилось не сразу.

В окна квартиры ярко светило весеннее солнце. Старинный перстень лежал на столе, отбрасывая на стену солнечный зайчик. За завтраком Бунчук попытался разобраться в причинах своего неожиданного интереса к этому делу. Убийство – и что? Оно не первое и даже не сто первое за годы работы в ЭКЦ. Необычно выглядящие глаза жертвы – да жизнь вообще необычная штука. Символ на вывеске салона, расположенного неподалеку от места преступления такой же, как на чертовой печатке – вполне объяснимо. Эзотерики – ребята эрудированные, старинные книжки читают, картинки в них разглядывают. Мало ли что на этих картинках можно найти, и глаз и нос и еще много чего из человеческой анатомии. Так что, наплевать и забыть?

Но непонятно, на чем основанное чувство личной причастности к происходящему ни наплевать, ни забыть не позволяло.

II

Весенний день был слишком хорош, чтобы привычно провести выходной на диване перед телевизором. Уже через полчаса Бунчук неспешно прогуливался по аллеям городского парка, подолгу задерживая взгляд на девушках и женщинах, выделяющихся в празднующей толпе яркими пятнами весенних нарядов. Представительницы прекрасной половины человечества казались разноцветными бабочками, сбросившими, наконец, плотный кокон шуб и дубленок и беззаботно порхающими под лучами весеннего солнышка. В приподнятом настроении Бунчук добрался до центрального фонтана. Присев на свободную скамейку, он поднял лицо к солнцу и прикрыл глаза. Ощущая приятную расслабленность, Бунчук почти задремал. Пели птицы, детишки у фонтана что-то весело и неразборчиво кричали, присутствующие здесь же папы и мамы безуспешно пытались внести в процесс детского веселья свои коррективы, но этот шум не нарушал состояние душевного покоя, постепенно овладевавшее Бунчуком.

«Ничего себе» – сдавленный мужской голос, прозвучал, как показалось, над самым ухом. Открыв глаза, Бунчук увидел, что неподалеку застыл молодой отец с мальчишкой на руках. А к соседней скамье подошла и грациозно присела тоненькая черноволосая девушка в ослепительно-белом коротком платье. С улыбкой тряхнув пышной гривой кудрявых волос, она скользнула взглядом по толпе, откинулась на спинку скамейки и вытянула стройные загорелые ножки. Восхищенных взоров отцов семейств она как будто не замечала. Матери семейств также не оставили без внимания эффектное появление юной феи, впрочем, в их взглядах восторга не наблюдалось.

Застывшие, как статуи у фонтана, мужики медленно выходили из ступора под шипящий шепот своих прекрасных половин. «Вот это я удачно пошел прогуляться, – обрадовался Бунчук. – Только бы не спугнуть ее (в смысле – удачу). Редкое чудо. Афродита из брызг фонтана!»

Обручального кольца у девушки вроде бы нет. Но! На точеной шее матово блестит замысловатое кольцо из крупных (похоже – натуральных) жемчужин. Выражение легкой надменности на тонком лице. Золотистый загар в середине мая (Ницца, Сен-Тропе, как минимум – Мальдивы).

В данной ситуации угостить прекрасную незнакомку мороженым и завести незамысловатую беседу о погоде – почти наверняка провалить дело. А что тогда? Быть может – небольшой, но изысканный букетик (цветочный киоск в пятидесяти метрах), скромный взгляд, милая, обезоруживающая улыбка. Продумать текст...

Послышались шаркающие шаги, и скамейка скрипнула от тяжести усевшегося рядом человека.

– Подскажите, который сейчас час?

– Пять минут первого, – взглянул на часы Бунчук.

Сосед, неряшливо одетый гражданин средних лет, глянул мельком. Глаза у гражданина странные, черные и, в то же время, будто пустые. Отвернувшись, Бунчук слегка отодвинулся на край скамейки и бросил быстрый взгляд на девушку в белом платье.

– Который час, не подскажете? – вновь спросил гражданин.

– Шесть минут первого, – так же вежливо ответил Бунчук.

– А ты не так прост, как кажешься. Я чувствую! Я всегда чувствую! Знай, у тебя только один шанс! – сквозь зубы громко прошипел сосед.

– Простите, вы о чем? – опешил Бунчук.

– Один шанс, я сказал!

– Вали на хрен, – ответил Бунчук. А что еще тут можно было ответить?

– Повтори, что ты сказал?!

– Вали на хрен, – сговорчиво повторил Бунчук.

– Повтори! – снова потребовал необычный собеседник. Бунчук вновь повторил, затем коротко поведал своему визави о том, что произойдет, если тот немедленно не последует полученному совету. Тот отвернулся и зашарил по карманам. Ничего не нашел, встал, одарил Бунчука зловещим взглядом и пошел прочь. Странная беседа длилась не больше пары минут, но осмотревшись, Бунчук обнаружил, что соседняя скамья опустела. Весело блестели упругие струйки воды, мелкая водяная пыль разноцветно переливалась в солнечных лучах, скверик у фонтана все еще был уютен и красив, но как будто утратил смысл. Афродита исчезла. Настроение было безнадежно испорчено.

Не без труда подавив естественное желание догнать дебила и отвесить ему хорошего пинка, Александр Иванович печально почесал затылок. Куда податься одинокому мужчине в самом расцвете сил весенним субботним днем? Можно, к примеру, погулять, подышать свежим воздухом, вернуться домой и мирно уснуть под бормотание телевизора. Это был вариант привычный, не суливший особенных радостей, зато уютный и спокойный. Но, по некотором размышлении, спокойный вариант был забракован. «Живи на яркой стороне», – подумал Бунчук и достал мобильник.

После пары неудачных попыток («А мы с семьей на даче зависаем», «Ко мне, брат, теща в гости приехала, сам понимаешь...»), одинокому холостяку улыбнулась удача. Вася, одноклассник, окончил медицинский институт на десять лет раньше Бунчука, познакомились они на встрече выпускников и, несмотря на солидную разницу в возрасте, быстро подружились. Возможно, в их сближении сыграло роль то, что объекты приложения профессиональных навыков у них были специфическими: Василий Петрович трудился на посту главврача краевой психбольницы. Так или иначе, Вася только что проводил жену с детьми на двухнедельный отдых в Египет и звонку откровенно обрадовался. Не прошло и получаса, как основательно затарившийся в магазине Бунчук сидел на знакомой кухне.

– Вернулся я из аэропорта, сижу себе и размышляю. Раз уж я в краткосрочном отпуске с семейных фронтов, время не ждет! Как раз тебя набирать собирался – а ты и сам звонишь. Судьба! – Василий резал толстыми аппетитными ломтями ковригу черного хлеба, пластал пахнущее чесноком домашнее сало с толстой прослойкой коричневого мяса, выкладывал на тарелку соленья, пребывая в состоянии душевного подъема, обычно возникающего у русского человека перед употреблением крепких горячительных напитков в хорошей компании. – А что это ты, Александр Иванович, как будто огорчен чем? Семейных проблем у тебя нет по определению, клиенты на работе тихие и спокойные, откуда эта меланхолия? Девушка не ответила взаимностью на твои высокие чувства, в смысле – баба не дала?

– Да не то, чтобы не ответила. Я и спросить не успел. Рекогносцировку провел, вышел на рубеж атаки, отвлекся на минутку – ускользнула золотая рыбка. Жаль. Вспомню – сердце замирает. Реально – фея!

– Стареешь, брат? Раньше в таком деле ты и на секунду бы не отвлекся.

– Оно так. Только раньше концентрация дебилов в нашей среде обитания была поменьше. Вот, кстати. Есть ощущение, что вы в вашем дурдоме дни открытых дверей проводите слишком часто. На улице не протолкнуться от твоих пациентов. Менты, люди черствые, и те опечалены.

– Есть мнение, что в последние времена живем. Сатана, говорят, правит у нас бал на всю катушку. Бесы в людей вселяются в массовом порядке. Так что – психиатры не при делах. В массовых психозах виноваты демоны. А нас не учили демонов изгонять. Если серьезно – сам удивляюсь. Я тридцать лет в профессии, но такого наплыва слетевших с катушек не припомню. Нет, я понимаю, полоса нестабильности, войны, общественные катаклизмы, стрессы и прочая «криминогенная» обстановка... Но! Не первой молодости замужняя женщина, мать двоих детей, учительница – влюбляется в эстрадного певца. Оно бы и ладно, мало ли дурочек на свете, любви, опять же, все возрасты покорны. Однако безответная любовь ей не интересна,

и она устанавливает с предметом своей страсти – ты не поверишь – ментальный сексуальный контакт!

– Это как? В смысле, как все происходит?

– Таких подробностей не знаю. Мужа из спальни тетка выселила, бедолага спит на диванчике и периодически выслушивает от законной супруги подробные рассказы о том, как развивается ее бурный роман. Полгода (по причине двоих детей) мужик терпит сей любовный треугольник, наконец, понимает, тормоз, что это не приколы и сдает красотку Мэри в нашу скорбную обитель.

– Почему Мэри?

– С некоторых пор мадам (по паспорту – Люся) уверяет, что ее имя – Мария. Почему – не ясно, да и не важно. А ежели говорить о причинах заболевания... Полагаю, в данном конкретном случае виновато ТВ – виньетка ложной сути, извините за выражение... Ну ничего, транквилизаторы и не таких в себя приводили.

Наполнялись и осушались стопки, неспешно текла застольная беседа, соленые анекдоты и глубокие размышления о судьбах Родины, общие знакомые, друзья и подруги, начальники и подчиненные, жмурики Александра Ивановича и психи Василия Петровича – никто и ничто не было забыто. И неизбежно настал момент истины, когда желание поделиться сокровенным одерживает победу над здравым смыслом.

– А знаешь, Вася, меня, похоже, тоже накрыло. Снится какая-то жуткая фигня, глаза с ювелирных изделий на меня таращатся, подмигивают. Шифер шуршит все громче.

– Какая фигня, какие глаза и с каких изделий? Ты, брат, кончай мертвецов потрошить, смени род занятий. А лучше – в отпуск. У меня в больнице свободных мест нет, переполнено все, так что давай сам, без аминазина и галоперидола.

– Вот этот перстенок, глаз на нем – сам видишь. А сны – долго рассказывать, да и зачем, ты ж не психоаналитик! Но что-то мне в последнее время не по себе. Как будто наблюдает кто-то за мной, кто-то, мягко говоря, нехороший.

– Дай-ка. Откуда такой перстень?

– Да с той войны, с Кавказа. Двадцать пять лет в шкафу пролежал, недавно вспомнил про него...

– Все ясно. Вспомнил, нашел, разбередил старые психотравмы, из подсознания полезли кошмары. Война, брат, для психики бесследно не проходит. Кажется, все забыл, и все у тебя распрекрасно, а прошлое то никуда не делось, сидит себе в подсознании, ждет. Страшно было на войне?

– Поначалу – очень. Я ж прямиком из мединститута туда попал. Почти врач. На войне – ценный кадр. А что я умел? Практики никакой. Мне и говорит один там... товарищ. Практика, мол, – дело наживное. На своих раненых практиковаться, конечно, не надо. А ты берешь пленного, стреляешь ему в живот, и – пожалуйста, практикуйся, извлекай пулю. АК не годится – в упор навывлет прошибет. ПМ – то, что надо. Пленного все равно в расход, а так хоть польза будет...

– Ни фигя себе! Ну, а ты?

– А я дурак. Подпрыгнул, за автомат схватился, чуть не завалил гада, решил, что он всерьез. А это, Вася, юмор на войне такой. Черный. Там много такого... черного. К этому привыкают, кто-то раньше, кто-то позже. И я привык. А сейчас, наверное, просто устал.

Василий Петрович повертел в пальцах печатку, поскреб ногтем отчеканенный на ней выпуклый глаз.

– Постой-ка, Саша... Где-то я такое уже видел. Причем совсем недавно.

– Уж не на входе ли в салон прикладной эзотерики? Который «Третий глаз»?

– Точно не там. Я такие заведения стороной обхожу. Вот мои подопечные – дело другое. Попадают, понимаешь, кадры. Кстати, ну конечно! Вспомнил! Интересный появился у

меня пациент. Художник, творческая личность, ну – сошел с ума, дело житейское. Любопытно другое. Ко мне он обратился сам, оказал больнице, как сейчас говорят, финансовую помощь, пребывает в отдельной палате. Пьет наши таблетки и с утра до вечера рисует в альбоме какую-то жуткую хрень. Так вот, на его рисунках этот орган зрения с твоей печатки присутствует постоянно.

– Ясно. Товарищ по несчастью.

– А вещица, похоже, старинная. Судя по весу – золото?

– Нет. Не золото.

– Все равно, наверное, денег стоит. Есть у меня старичок знакомый, коллекционирует всевозможное древнее барахло. Могу телефон дать.

– Из бывших пациентов?

– Да нет, не псих. Старичок, конечно, мутный, со странностями, но уж точно не псих. Денег у него немерено, может себе позволить любые причуды. Позвони, впарись ему перстенок – и на недельку в Прагу. Одним патроном – двух вальдшнепов, от наваждения избавишься и денег подымешь. Запишешь телефончик?

– Давай...

III

Воскресным утром Бунчук вдумчиво разжевал три таблетки аспирина, потом долго и неспешно пил кофе и рассматривал квадратный листок розовой бумаги с выведенным нетвердой рукой телефонным номером и именем коллекционера. «Если этот самый Сергей Борисович купит, да за нормальные деньги – отдам и Бог с ней, с этой печаткой. Если нет – может быть, хотя-бы расскажет, что за фигня».

Трубку взяли сразу. Голос у Сергея Борисовича был неожиданно молодой и звонкий, на просьбу о встрече антиквар согласился без колебаний, назвал адрес. Окраина, частные дома, раньше это был небольшой пригородный хуторок. Положив трубку, Бунчук вдруг понял, что ехать к старичку не хочется. Категорически. Внезапно проснувшийся внутренний голос настойчиво советовал остаться дома, как максимум – сходить за пивом. Впоследствии Бунчук не раз горько сожалел, что в то воскресное утро не прислушался к внутреннему голосу. Но – не прислушался.

За монументальным каменным забором скромно прятался аккуратный кирпичный домик под серой шиферной крышей. Оставив машину у ворот, Бунчук прикрыл за собой калитку, поднялся на невысокое крылечко и постучал. Ему долго не открывали, при этом у Бунчука возникло чувство, что его внимательно рассматривают в какую-то незаметную снаружи щелочку. Наконец стальная дверь бесшумно распахнулась, маленький человечек, боком стоящий в дверном проеме, жестом предложил войти.

Не ответив на приветствие Бунчука, хозяин провел его по полутемному коридору в кабинет и уселся за огромный, как египетский саркофаг, письменный стол с массивным чернильным прибором. Впрочем, и сам Сергей Борисович сильно смахивал на недавно покинувшую саркофаг мумию. Из воротника белой сорочки длинно торчала морщинистая шея, голый череп обтянут желтоватой кожей. Темно-коричневые пигментные пятна на лице и голове привлекательности облику антиквара не добавляли.

– Присядьте. Чем я могу вам помочь? Ведь это вы мне утром звонили? Что у вас?

Звонкий голос лысой мумии вывел Бунчука из минутного замешательства. Он подошел к столу и сел в кожаное кресло великанских размеров.

– Звонил. Бунчук Александр Иванович. Мне вас рекомендовали как крупного специалиста по старинным вещицам.

– Покажите.

Выхватив из руки Бунчука перстень, Сергей Борисович вооружился здоровенной лупой в медной оправе и надолго замолчал. Бунчук огляделся. В этом зале было на что посмотреть. Неожиданно просторная, с высоким потолком комната занимала, по-видимому, почти все внутреннее пространство домика. Старинная громоздкая мебель, плотно задернутые темно-бордовые портьеры, в неярком свете хрустальной люстры не разобрать, что изображено на мрачных, темноватых картинах в золоченых багетах. Рядом с картинами на стенах развешены причудливых форм сабли, кинжалы, иззубренные мечи и секиры. Взгляд Александра Ивановича невольно задержался на украшенном облезлыми перьями топорике. Индейский томагавк? В дальнем углу комнаты на покрытом темной тканью круглом столике теснились красные и черные свечи в замысловатых золотых подсвечниках, колбы и склянки с разноцветным содержимым, ступка с каменным пестиком. «Неуютное местечко», – подумал Бунчук и вздрогнул от выкрика Сергея Борисовича.

– Откуда у вас ЭТО?!

– Старая история... Я вижу, вы заинтересовались. И сколько ЭТО может стоить?

– Обстоятельства, при которых вы приобрели данную вещь, весьма важны. Но не хотите – не говорите, – голос коллекционера заметно дрожал. – Поверьте специалисту, господин Бунчук, среди древностей изредка попадаются весьма необычные и, прямо скажу, небезопасные артефакты. ЭТО – один из них. Настоятельно рекомендую как можно скорее избавиться от перстня. Кстати, это не перстень. Не просто перстень. Уж точно – не ювелирное украшение.

– И что же это такое?

– Долго объяснять, да вы и не поверите. Купить ЭТО я у вас не могу, такие вещи не продаются и не покупаются. Но если вы мне ее подарите – готов избавить вас от смертельной угрозы.

«Разводит, старая сволочь, – подумал Бунчук. – Может, ему еще и денег дать за чудесное избавление?»

– Если вы мне убедительно объясните, в чем угроза и что это за штука – я обещаю подумать над вашим предложением. Если нет – оставлю себе на память.

– Да на какую еще, к дьяволу, память! – дико завопил Сергей Борисович. – Вы мне еще тут... Я вам... Я вам сейчас покажу!!!

Старичок выскочил из-за стола и резво помчался в угол комнаты. «Ошибся Вася с диагнозом. Дед – стопроцентный псих. Сейчас схватит со стены томагавк и пойдет в атаку с боевым кличем ирокезов на устах. – Бунчук привстал с кресла, но Сергей Борисович направился напрямик к столику со свечами. – Слава Богу, похоже, обойдемся без рукопашной».

Коллекционер положил печатку на каменную подставку в центре столика, торопливо расставил вокруг черные свечи, зажег их, схватил со стола одну из склянок и плеснул на «небезопасный артефакт» темно-багровой жидкостью. Повернулся к Бунчуку, чуть помедлил и вдруг выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

Несколько секунд ничего не происходило. Неожиданно свет от хрустальной люстры начал меркнуть. В углах комнаты сгустилась тьма, пламя свечей, горящих вокруг перстня, задрожало, и Бунчуку показалось, что столик начал медленно вращаться. Ускоряясь, огоньки сливались в странном хороводе, и откуда-то издалека до Бунчука донеслись раскаты дикого хохота. С каждой секундой он приближался, делаясь все громче, пока не перешел в истошный вопль – и затих. Свечи вдруг погасли, как от внезапного порыва ветра. Черные тени в углах обрели объем и форму, зашевелились, бесшумно двинулись в центр комнаты и обступили замершего в кресле Бунчука...

Сотканные из тьмы твари неподвижно стояли на расстоянии вытянутой руки, впрочем, не переходя некую невидимую черту. На столике с погасшими свечами будто теплился маленький

желтый огонек, печатка слегка светилась, как электрический фонарик с подсевшей батарейкой. Ощущение нереальности происходящего мешало по-настоящему испугаться. «Это просто очередной сон. Глупый сон, и больше ничего. Сейчас я проснусь в своей постели...» Бунчук спокойно встал и направился к столику. Существа в черных плащах до пят (до копыт?) с глубоко надвинутыми капюшонами медленно расступились, освобождая проход. Бунчук на ходу попытался заглянуть под капюшон – ни фиги. В смысле – ничего. Клубящаяся тьма. Приснится же такая гадость... Александр Иванович взял перстень, тщательно обтер его скатертью, пошел к выходу и уже у двери услышал за спиной глухое утробное рычание. Страх накатил мощной, обессиливающей волной, он отчаянно дергал дверь на себя, (ни фиги это мне не снится, запер меня, гнида старая, не уйти – все, конец). Прощаясь с жизнью, Бунчук повернулся лицом к черным, вжался спиной в дверь и вывалился на крыльцо.

Сергей Борисович стоял у забора. Увидев Бунчука, он шарахнулся в сторону, чуть не упал и, торопливо семеня тонкими паучьими ножками, боком отбежал в угол двора. «Рано радуешься, тварь. Легкой смерти не жди...» – Сергей Борисович шипел, как гадюка, которой наступили на хвост. Бунчук, матерясь на бегу, помчался к своей машине.

Путь домой в памяти не сохранился. Способность соображать вернулась к Бунчуку на родном диване, перед журнальным столиком, заставленным запотевшими пивными банками.

– Я таки сошел с ума. Медицинский факт. Что дальше?.. Пуля в лоб, (бритвой по венам, прыгнуть с балкона, удавиться на люстре). Альтернатива – желтый дом, белый кафель больничных стен, на белом фоне – зеленые (в моем варианте – черные) черти.

Мысль о необходимости идти сдаваться другу Васе вызывала сильнейший внутренний протест.

– Пива на обратном пути я купить не забыл, может, все не так уж плохо? Сразу в магазин надо было идти, а не переться к гребаному колдуну. Денег срубить захотел. Придурок... Стоп! Но тогда получается, что оказавшийся подлым гадом Сергей Борисович – не галлюцинация?

На столике из-под пивной банки торчал розовый клочок бумаги с номером телефона. Бунчук осторожно взял чуть влажную, помятую бумажку, задумчиво понюхал, посмотрел на просвет и даже попробовал на зуб... Реальный документ, наглядно подтверждающий, что недавнее происшествие не сон больного разума, а нечто совсем иное. Например – встреча с неведомым. Столкновение с существами из потустороннего мира. Профессиональный цинизм врача с двадцатилетним стажем слегка мешает, но мы то люди, хоть и изрядно грешные, однако – православные! Верующим в Бога не пристало сомневаться в существовании бесов, колдовства и волшебных предметов... Кстати!

Первопричина кошмаров мирно лежала в боковом кармане куртки. Извлеченный на свет, желтый тяжелый перстень был безусловно материален, не светился, не подмигивал и объективной реальности несколько не противоречил. Вглядевшись в символы на матовой поверхности, Бунчук обнаружил в выемке зрачка и вокруг него засохшие темно-красные потеки и издал радостный торжествующий вопль! «Этой красной дрянью колдун на моих глазах плеснул на перстень! Значит – не причудилось, и это было, и это – не бред шизика, нуждающегося в срочной госпитализации.

Хрен вам, пуля и петля! Черный ворон, я не твой! Койка в психбольнице, бьющие по мозгам транквилизаторы, манная каша три раза в день – к соответствующей матери! Соседи по палате – параноики и шизофреники – аналогично... Кстати!»

Бунчук вспомнил вчерашний Васин рассказ о безумном художнике, о его бредовых картинах, на которых, в частности, изображен глаз в обрамлении пентаграммы. Мерзкий старикашка Сергей Борисович о перстне, точнее об артефакте ничего толком не рассказал. Зато показал такое, что волосы дыбом. По всему телу. Как он там выразился на прощанье? «Легкой смерти не жди»? Заинтриговал, сволочь, ничего не скажешь...

Так, может быть, Васин псих поведает что-то интересное? Поделится, так сказать, жизненным опытом ...

На просьбу организовать посещение пациента отдельной палаты сумасшедшего дома Вася ответил коротко: «Да без проблем. Хоть завтра приезжай». Завтра – так завтра. Утро вечера мудренее. Пиво, к счастью, все еще было холодным.

IV

Краевая психиатрическая лечебница недавно отпраздновала новоселье. Яркая, цвета цыплячьего пуха, краска на стенах, блеск свежевывмытых оконных стекол, красная металлочерепица двускатной крыши... Новенькое здание меньше всего походило на скорбную обитель, тихий приют обессилевших разумом несчастных людей. Подтянутый охранник на входе попросил предъявить документы, удостоверение ЭКЦ МВД вполне удовлетворило его профессиональное любопытство, и главврач Вася в накрахмаленном ослепительно белом халате встретил Бунчука крепким рукопожатием.

– Как здоровье? Ездил к Сергею Борисовичу? Срубил капустки?

– Сукой оказался твой Сергей Борисович. Жулик. Грузил всякой байдой, денег не дал, предложил, чтобы я ему антиквариат свой подарил, я счел это предложение неприемлемым – упоминать о черных призраках в разговоре с психиатром было бы, как минимум, неосмотрительно, – в общем, к консенсусу не пришли.

– И что дальше? К живописцу то зачем приехал?

– Как это – зачем? За консультацией! Что за знак на печатке и на его рисунках, каких времен, что почем...

– Это в моей практике впервые. Консультация у сумасшедшего... Ты сам-то как себя чувствуешь?

– Нормально я себя чувствую. Меньше слов, Вася...

Открыв универсальным ключом массивную дверь, Василий Петрович пригласил Бунчука в ту часть здания, где располагались больничные палаты. Длинный коридор, стерильная чистота и белизна стен и потолка, яркий свет галогеновых ламп, запах медикаментов и почти физически ощутимый запах беды, болезни, несвободы... Обстановка чем-то напомнила Бунчуку его основное место работы – мертвецкую. Болезнь и смерть человеческой психики сродни смерти физической...

– Не тормози, – подтолкнул Бунчука друг Вася. – Это женское отделение, нам дальше.

Женщины в одинаковых больничных халатах молчаливо и неспешно прогуливались по коридору. Одна из них проходя мимо Бунчука, вдруг с силой дернула его за рукав.

– Принес? – спросила она еле слышным шепотом.

– Чего тебе? – опешил Бунчук.

– Ты принес мне весточку? Я понимаю, его сюда не пускают, но он меня не бросит, я знаю, отдай мне его письмо, скорее же...

Невысокая, коренастая тетка, сосульки невымытых волос падают на мутно-коричневые, как осколки бутылочного стекла глаза. Толстые, лоснящиеся жиром щеки. Вцепилась в рукав – не вырвешься.

– Встретишь его – скажи, моя душа принадлежит ему и пока я жива и после смерти. Я знаю, он не оставит меня никогда. Я это знаю, и я на все согласна...

– Мария, отстань от человека. Он врач и ничего тебе не принес. Может, тебе укольчик сделать... – прервавший горячий монолог ласковый голос Василия Петровича подействовал на сумасшедшую как пинок под зад. Пальцы на рукаве моментально разжались, и тетка поспешила скрыться в одной из палат.

– Срочно увеличить дозу. Беда с этими влюбленными, – Вася отпер еще одну массивную дверь в конце коридора.

Здесь было более оживленно. У кабинета с табличкой «Медсестра» толпилась небольшая очередь мужиков в пижамах. По одному они заходили в открытую дверь, брали из рук пожилой женщины в белом халате горсть таблеток и стакан воды, принимали лекарства, и, широко раскрыв рот, подходили к здоровенному санитару. Заглянув в очередную глотку и убедившись, что таблетки проглочены, санитар кивал и жестом подзывал следующего.

– Тебе туда, – Вася показал на одну из дверей. – Иди один, я пока своими делами займусь.

– Он не кусается?

– Увидишь...

Бунчук на секунду замешкался, потом все же отворил указанную дверь и в удивлении остановился на пороге. Одноместный номер в неплохой гостинице, если бы не отсутствие телевизора и не решетка на окне. Хороший ремонт, дверь в маленькую ванную комнату с туалетом приоткрыта, широкая кровать, холодильник, на стене – полка с книгами. За столом у окна в компьютерном креслице сидит, обернувшись к входу, не старый еще, интеллигентного облика мужчина в спортивном костюме, в очках с тонкой металлической оправой.

– Вы ко мне? – обитатель необычной палаты улыбнулся. – Чему обязан?

– К вам. Извините, что без стука... – Бунчук запнулся, пытаясь скрыть замешательство, шагнул внутрь, аккуратно прикрыл дверь. – Пока шел по клинике, наблюдал здешние реалии, простите, не ожидал...

– Не извиняйтесь, я понимаю. Присаживайтесь, прошу вас, – очкарик изысканным жестом указал на табурет. – Итак, чем могу быть полезен?

– Я, собственно, знакомый Василия Петровича, тоже врач, Александр Иванович Бунчук... а вы ведь – художник?

– Да, – в коротком ответе пациента чувствовалась нешуточная гордость.

– Простите мою бесцеремонность, но могу ли я взглянуть на ваши картины?

– Мои картины – в студии, на выставках, здесь – рисунки. Вы психиатр? Зачем вам мои искусства?

– Считайте это простым любопытством.

– Интересуетесь творчеством умалишенных? Впрочем, неважно. Смотрите.

Художник с легкой усмешкой вручил Бунчуку толстый альбом. Несколько минут тишину комнаты нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц. Бунчук в изобразительном искусстве разбирался плохо, да что там – вообще не разбирался. Но увиденное, мягко говоря, впечатлило. «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей...» Тьма во множестве оттенков рвалась с листов потрепанного альбома. Невообразимые существа взмывали на черных крыльях над немыслимыми пейзажами. Люди и нелюди. Полу-звери и полу-птицы с человеческими лицами, люди с когтями и клыками, которым позавидовал бы саблезубый тигр...

Изображенное на рисунках вовсе не казалось плодом больной фантазии. Будто нарисованные с натуры, картинки были по-своему вполне реалистичными. Вот только реальность эта ничего общего с земной не имела...

Правый верхний угол каждого листа украшала вписанная в круг пентаграмма с изображением глаза.

– Что это? Этот символ – что он значит?

– Ничего особенного. С его помощью можно увидеть невидимое, ощутить неосязаемое, при этом есть шанс остаться в живых – и только. Сохранение рассудка не гарантируется – явная ирония сквозила в каждом слове собеседника.

– Вы себя имеете в виду?

– Не только... Вообще-то толкований этого символа – бесчисленное множество. Мне кажется, ближе всего к истине – яблоко.

– Простите, что? – Мысль о том, что сумасшедший держит его за идиота, показалась Бунчуку обидной.

– Яблоко. Запретный плод с древа познания. Если разрезать яблоко поперек, в центре вы увидите нечто, похожее на пятилучевую звезду. Само яблоко – круг. Все вместе – символ стремления заглянуть за грань дозволенного. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Тот, кто ест много яблок, рискует сойти с ума?

– Отнюдь. Лично вы, думаю, ничем не рискуете при любых обстоятельствах.

– А что вы на это скажете? – Бунчук выложил на стол перстень.

Ироничная улыбка моментально исчезла с лица художника. Пару секунд он разглядывал артефакт, потом поднял голову. В глазах плескался страх, граничащий с паникой.

– Так что же это? – прервал Бунчук затянувшуюся немую сцену.

– Печать Сулеймана ибн Дауда... Вернее, оттиск с печати. – Голос пациента дрожал. – Не обессудьте, что отнесся к вам...э-э-э...легкомысленно. Кто вы? Кто дал вам печать?

– Я обычный человек. Знакомый вашего главврача. Сулейману – не родственник ни в малейшей степени. Эту штуку я нашел, много лет назад.

– Простите мою настойчивость. Печать Сулеймана – не гриб, который можно найти под березой.

– Хорошо. Если я скажу, что нашел ее в древнем подземном склепе – вас это удовлетворит? Лучше расскажите мне об этой самой печати.

– Конечно, все, что знаю... не очень много...– живописец начал успокаиваться. – Ее нельзя украсть или отнять, купить или продать. Чтобы стать ее законным владельцем, ее надо именно найти. Или получить в подарок, причем с соблюдением определенного ритуала. После активации данный артефакт позволяет видеть потусторонний мир и существ, в нем обитающих. Владелец его с момента обретения защищен от темных тварей. Насколько защищен – не знаю, на вашем месте – поостерегся бы проверять. И еще. Хозяин этой вещицы неизбежно привлекает к себе внимание духов. Как солдат, выпрыгнувший из окопа на бруствер, неизбежно привлекает внимание вражеского пулеметчика.

– Откуда вам все это известно?

– Я же – художник. Увлекался мистикой, это сейчас модно. Игра творческого воображения, полет фантазии... залетел куда-то не туда. Стал видеть сны наяву. В начале каждого такого видения появлялся этот знак, огненная пентаграмма. Поначалу обрадовался, черпал в увиденном, так сказать, вдохновение, даже описывал свои ощущения в дневнике. Но, как известно... если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя. Я почувствовал ее взор.

– ЛСД?

– Да нет же, в том то и ужас. Не употреблял. Это нечто иное. Недавно на контакт со мной вышли какие-то люди. Именно люди, из плоти и крови, не духи. Только внутри – черные. Страшные. Не знаю, что им от меня нужно. Уверен, ничего хорошего. Тут уж я испугался по-настоящему.

– И...

– Заплатил кругленькую сумму, официально, на банковский счет клиники. Василия Петровича я в суть дела, естественно, не посвящал, но он согласился помочь, сказал, что в любом случае подлечить нервы не помешает. Спрятался здесь. Есть шанс, что от безумца отстанут. Они не хотят, чтобы о них узнали. Я о них знаю, но даже если расскажу – кто поверит сумасшедшему. Надеюсь, они думают так же...

Еще пару дней назад Бунчук воспринял бы рассказ собеседника, мягко говоря, скептически. После вчерашнего посещения небольшого домика в пригороде с диагнозом спешить не следовало.

– И много вас тут таких... потерпевших?

– Не знаю. Я ведь из палаты почти не выхожу. Впрочем, Василий Петрович рассказывал о пациентке, вроде бы Марией ее зовут. Полагаю, что ее виртуальный любовник – инкуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.